

Жерар Ланвен: «Я никогда не стремился соблазнять»

— Как вы отнеслись к успеху "Чужого вкуса"?

— Спокойно. Я воспринял приглашение сняться в этом фильме как подарок свыше. Я с самого начала не сомневался, что мы снимаем хороший фильм. Хватит говорить, что люди не любят французское кино. Соедините хороший сценарий с хорошими актерами, и люди пойдут смотреть результат.

— Что привлекло вас в вашем герое?

— Я люблю персонажей с хрупкой психикой. Мне нравится играть людей с внутренними изломами. Потому что именно через эти изломы в их душу просачивается свет. Мой герой не хочет впускать в свою душу других. Личные и профессиональные неудачи ожесточили его. Встреча с женщиной, которую играет Аньес, могла бы изменить его жизнь, но он этого не захотел. Мне было интересно играть человека, которого хочется жалеть, несмотря на его несимпатичные поступки.

— В вас есть что-нибудь общее с персонажем?

— Нет. Я всегда готов

встать на чужую точку зрения. Я люблю людей. В молодости работал на ярмарках — для меня это был способ лучше узнать людей, научиться с ними общаться. Кстати говоря, именно поэтому я сейчас являюсь владельцем бара в Ла-Боль. Я никогда не хотел быть звездой, потому что это изолирует человека от окружающей жизни, а хотел жить как нормальный человек — ходить по улицам, здороваться с соседями. Моя работа позволяет мне сниматься в одном фильме в год, а потом уезжать в Ла-Боль к жене и детям и жить нормальной жизнью.

— Правда ли, что на съемках вы называли Аньес Жауи "патрон"?

— Я всегда так обращаюсь к режиссерам. Они начальники. Чтобы стать режиссером, нужно уметь принимать решения, брать на себя ответственность. Это ремесло одиночки-индивидуалиста. В Аньес меня потрясли ее энергия, умение отстаивать свою точку зрения. Она очень боевая женщина!

— Вам не кажется странным, что самые интересные роли в вашей карьере сыграны в фильмах женщин-режиссеров?

— Не знаю. Могу сказать только, что мне было очень приятно с ними работать. И Аньес, и Николь Гарсия умеют найти в актере эмоции, о которых он сам даже не догадывается. Они не боятся молчания, неподвижности, пауз. Они умеют находить тайны, спрятанные в глазах актера. С мужчинами все иначе. Для них кино — приключение. А вот женщины всегда раздвигают нас до предела. Их интересуют только наши души.

— Вы счастливы работать в кино?

— Да. Кино позволяет прожить множество жизней. Кино вошло в мою жизнь случайно, и с тех пор я верю, что случайность и удача могут быть синонимами.

— Значит, судьба решила за вас?

— Думаю, все же мы сами решаем свою судьбу. Например, в тот день, когда Мартен Ламотт предложил мне выйти на сцену, я мог и отказаться. Сначала мы валялись дураками перед дюжиной зрителей. Я мог бросить это дело, заняться чем-то более основательным. Когда отец пришел на наше представле-

ние, я понял, что он обеспокоен тем, как я живу. Его можно было понять: 30-летний мужик кривляется как придурок.

— Каким ребенком вы были?

— Робким, сдержанным. Я был младшим, у меня были две старшие сестры, и когда отец уходил на работу, я оставался в женском обществе. Я хорошо понимаю женщин, потому что жил с ними, они меня воспитали. В 17 лет решил пойти торговать, чтобы научиться разговаривать с людьми. Я торговал барахлом, мне хотелось научиться убеждать людей. И мне удалось преодолеть страх перед общением с другими людьми.

— Когда вы снялись в фильме "Странный роман" (Une étrange affaire), казалось, что это ваш ответ отцу — что вы были правы, не став чиновником, подобно ему.

— Этот фильм — немного про меня. Папа работал консультантом в магазине "Тысяча сорочек", и пытался приобщить меня к этой работе. Некоторое время я даже работал под его начальством, но потом не выдержал и ушел. Не могу понять такой вещи, как иерархическая лестница. Позже, когда мы снимали наш фильм, производственная фирма арендовала помещение, где раньше был магазин, для съемок. Мы снимали даже в кабинете моего отца, я звонил ему с его бывшего телефона.

— Первые актеры, с которыми вы познакомились, были Миу-Миу и Колюш.

— Да, они покупали у меня подержанные американские шмотки. Я смотрел на них и завидовал: они были нищими и абсолютно счастливыми людьми. Среди моих клиентов был и Ламотт. Однажды он пригласил меня посмотреть пьесу "Сумерки трупов", которую ставил в кафе-театре Колюш. Я был зачарован: эти ребята играли так современно, так естественно! Я смотрел эту пьесу раз тридцать. И когда Ламотт спросил меня, знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы помочь ему организовать новый кафе-театр, я сразу ответил: "Конечно же, я!" Мы работали вместе три года. Создали театр Point Virgule, он существует до сих пор.

— Вы пришли в театр в качестве актера или подсобного рабочего?

— Мартин заставил меня выйти на сцену, хотя мне было очень страшно. Я быстро научился получать удовольствие от игры. Моей первой ролью был карлик, который выпивает любовный напиток и становится прекрасным принцем. Позже эта история разрослась в полнометражный фильм "Вы не получите Эльзас и Лотарингию". В зале собрался весь Париж — от Денев до Деларды. В первый вечер я так боялся выйти на сцену, что меня пришлось выталкивать.

— Этот спектакль дал вам первую роль в кино.

— Я попал в кино "за компанию". Колюш решил адаптировать пьесу для экрана и взял в проект всех актеров "оптом". Я снимался у него около месяца, а когда вернулся в театр, Ламотт весьма нелюбезно сообщил, что у него нет для меня ролей. Мне было очень грустно. Чтобы утешить меня, Колюш предложил работать у него. Мы стали снимать на двоих квартиру и писали юмористические скетчи. Вернее, он писал, а я занимался хозяйством. Колюш в то время был слишком знаменит, чтобы ходить по магазинам, мне приходилось брать это на себя. Я работал у него семь лет.

— Говорят, что вы были довольно трудным в общении человеком.

— Мне повезло — у нас с ним было сходное чувство юмора. Но, конечно, с Колюшем порой было трудно. Он мог быть агрессивным, злым. Но с другой стороны, я очень многому научился у Колюша. Мне никогда не было так весело, как в те годы, когда я был помощником Колюша. Мне не хотелось быть звездой, мне не хотелось выходить на сцену, я был счастлив греться в лучах его славы. Когда он умер, это было страшным ударом. В моем баре в Ла-Боль в стену вмурована фотография Колюша. Он всегда с нами.

— Однажды вы упрекнули Делона и Бельмондо в том, что они не помогали актерам вашего поколения так, как им помогали Габен и Вентура.

— Я говорил не о помощи. Просто однажды прочитал в журнале высказывание одного из них, не помню, кого именно: "Молодое поколение актеров — они все какие-то парикмахерские мальчики..." Меня поразила эта пре-

зрительность. Да кто они такие? Кто такой Ален Делон? Парень, который после школы пошел в армию, а потом стал актером благодаря связям. В начале карьеры он играл ужасно, и только постепенно стал хорошим актером. Сегодня его уважают — но пусть и он уважает тех, кто начинает свой путь в кино. Впрочем, все вышесказанное вовсе не значит, что я плохо отношусь к Делону. Этот актер заставлял меня мечтать. Благодаря Делону и Бельмондо я научился любить кино.

— Вы встречались с ними?

— С Бельмондо встречался. Сегодня он иначе относится к нашему поколению. Это двадцать лет назад они нас не любили. Зачем нужны новые актеры? Ведь Делону и Бельмондо всего 50 лет!

— Вашим первым серьезным испытанием стал фильм "Выбор оружия", на котором вы встретились со "священными монстрами"...

— Да, нам с Ришаром Альконини нужно было расправиться с Катрин Денев, а потом я должен был сказать Иву Монтану: "Я убил вашу жену, но я не виноват!" Надо сказать, что они оба были милы и вели себя очень профессионально. Меня беспокоил только один факт: необходимость играть подонка. Незадолго до этого я встретился с Бельмондо, и он сказал мне: "Не стоит браться за роли злодеев, потом не отвяжешься от них".

— Но после смерти Патрика Деваера вам стали предлагать роли, которые писались для него.

— Это не совсем так. Единственный фильм, который писался в расчете на Деваера — "Цена риска". Но он сам отказался от него, потому что хотел сниматься в фильме "Эдит и Марсель". Он поговорил обо мне с Ивом Буассе, и тот согласился взять меня вместо него.

— Вы не боялись, что вас постигнет судьба Деваера?

— Нет. Я никогда не был таким хрупким, как он. У меня была семья — сначала отец и мать, потом жена и дети. У меня был жизненный опыт — до 30 лет я сменил множество профессий. Я гораздо лучше держу удар.

— После "Цены риска" вы дважды работали с Лелушем — на фильмах "Есть

дни и месяцы" и "Прекрасная история" — и были им разочарованы.

— Я не был разочарован работой. Я разочаровался в Лелуше-человеке. Он манипулирует людьми, и все это знают, но предпочитают по-малкивать. Чего они боятся?

— А что вы имеете в виду под словом "манипулирует"?

— Он непорядочно ведет себя с людьми. Пусть перестанет делать вид, что снимает без сценария. Пусть перестанет притворяться, что он гений. Пусть прекратит манипулировать актерами, или, если уж он не может иначе работать, пусть хотя бы благодарит их после съемок. Вы не представляете себе, сколько людей было психологически раздавлено Лелушем!

— Николь Гарсия говорила, что с большим трудом убедила вас сняться в фильме "Любимый сын".

— Я переживал трудный профессиональный период. Согласился сниматься в телесериале "Клебер", который мне не нравился. В первый же день съемок порвал ахиллово сухожилие. Меня отвезли в больницу и четыре месяца я провел в гипсе. Я был подавлен, мне казалось, что из-за меня вся съемочная группа осталась без работы. И вдруг появляется Николь со сценарием! Первой моей мыслью было ответить, что это приключение не для меня. Но она не отступала. Она сказала, что примет меня таким, какой я есть, со всеми недостатками. В конце концов моя жена Дженифер сказала: "Если ты откажешь такой замечательной женщине, значит, ты просто дурак!" Первые недели съемок я еще был в гипсе.

— "Любимый сын" — фильм о человеке, который всю жизнь соблазнял и в один прекрасный момент понял, что больше не может соблазнить. Вас угнетает мысль, что вы когда-нибудь перестанете быть привлекательным для женщин?

— Нет, потому что никогда не стремился соблазнять. Меня устраивает положение, при котором я просто нравлюсь.

Мишель БАЙЕН
Париж

В 1995 году Жерар Ланвен получил "Сезар" за лучшую мужскую роль в фильме Николь Гарсия "Любимый сын", но в последние годы на его счету не было больших удач. Поэтому недавняя премьера фильма "Чужой вкус" (Le goût des autres, режиссер Аньес Жауи), имевшего большой успех, начала новую главу в его кинокарьере.

Lanven Gerard

7. 2000.